

А.В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета. 1996. 219 с.

Книга А.В. Бондарко "Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии" замечательна тем, что в ней подводятся краткий итог многолетним исследованиям автора в области русской грамматики и аспектологии и на этой основе выдвигаются новые идеи, являющиеся продолжением и развитием грамматической теории автора.

Научные труды А.В. Бондарко в целом и данную книгу в частности отличает

последовательность в развитии своей собственной концепции, базирующейся на русской лингвистической традиции, а также привлечение к обсуждению широкого круга отечественных и зарубежных лингвистических теорий и плюрализм в их оценке.

В предлагаемой рецензии мы сосредоточим внимание прежде всего на анализе решений фундаментальных проблем грамматической теории, поставленных в книге, —

языковой интерпретации картины мира, структуры грамматических категорий, проблемы соотношения значения и функции, интенциональности грамматических значений, категориальной семантики русского вида, выделения новой функционально-семантической категории временного порядка и некоторых других. При этом, по возможности, постараемся проследить эволюцию воззрений автора, а по поводу некоторых из названных проблем выскажем и свои собственные суждения, благо научный стиль и авторская манера А.В. Бондарко к этому располагает.

Книга делится на две части, посвященные соответственно проблемам грамматической семантики и русской аспектологии. Для грамматической концепции А.В. Бондарко в целом характерен так называемый "системноцентричный" подход к языку (противопоставляемый иногда антропоцентричному), т.е. исследование русского языка на основе теории научного познания с использованием системных методов естественных наук.

В первой главе ("Языковая интерпретация смыслового содержания") обсуждаются теоретические вопросы языкового представления "картины мира", межъязыкового сопоставления, неопозитивных различий в структуре грамматических единств и др.

Проблема соотношения смысловой основы и интерпретационного компонента грамматических значений была поставлена А.В. Бондарко еще в монографиях 70-х годов [Бондарко 1976; 1978]. Автор в языковом значении вычленяет универсальную смысловую основу (СМ.ОСН.) и идиоэтнический интерпретационный компонент (ИНТ.КОМП.) как способ представления смысла, определяемый данной языковой формой. "СМ.ОСН. языковых значений и ИНТ.КОМП. – это разные аспекты единого целого" (с. 7). Соответственно "равнозначность синонимических конструкций возможна лишь как тождество смыслового содержания, но не как тождество значений", "поскольку каждая языковая единица включает в свое значение свойственный только ей интерпретационный компонент" (с. 9). При этом отмечается, что в некоторых случаях провести грань между двумя аспектами языковых значений крайне сложно (с. 7).

ИНТ.КОМП. в данной концепции непосредственно не связывается с принципом антропо- и этноцентризма (ср. с. 17), хотя, по сути дела, анализ конкретного материала строится на рассмотрении различных позиций говорящего и его восприятию обозначаемых ситуаций.

Должны отметить, что постулируемая

универсальность смысловой основы (с. 9), с нашей точки зрения, несколько противоречит признанию автором того, что "черты языкового отражения "психологии говорящего" имеют отношение и к СМ.ОСН. выражаемого содержания" (с. 17). Мы согласны с последним тезисом – дифференциальные элементы данной языковой картины мира (ЯКМ), отличающие ее от других ЯКМ, представлены не только ИНТ.КОМП., но и СМ.ОСН. языковых единиц, например модификационных дериватов типа русских глаголов *накупаться, нагуляться; доработаться, дошутиться до (неприятностей)*. Такие показатели, как типичность ряда смыслов и их частотные комбинации, следует также учитывать при сопоставлении ЯКМ.

В книге подчеркивается, что анализ соотношения СМ.ОСН. и ИНТ.КОМП. должен идти в двух направлениях: "а) от внешнего мира – через сознание и мышление – к языковым значениям и б) от языковых форм с их значениями к сознанию и мышлению", то есть традиционная «проблема "обратного воздействия" языка на мышление» (с. 17) по-прежнему в поле зрения автора. Последняя рассматривается в книге на материале семантики субъекта. Субъект, как источник (каузатор) неpassивного предикативного признака (с. 20), в известном смысле детерминирует предикативный признак, как бы "создавая" действие, а с ним и ситуацию в целом", причем детерминация может носить ярко выраженный интерпретационный характер (ср. *Он оступился; Соседи получили письмо*) (с. 20–21).

Рассматривая принципы межъязыкового сопоставления, автор приходит к выводу о необходимости «придерживаться такого "масштаба сопоставления", при котором принимаются во внимание все нюансы (до мельчайшего оттенка), отличающие один способ представления смысла от другого» (с. 26). Выполнить такое требование можно лишь при сопоставлении языков на уровне текста. А.В. Бондарко приводит пример, иллюстрирующий различия во фрагментах славянских языковых картин мира в связи с выражением смысла начала действия, выделяя в русском языке два типа начинательности, определение которых представляется вполне исчерпывающим, – "смысловую" и "интерпретационную". Первая является необходимым элементом смысла высказывания и связана с коммуникативными намерениями говорящего (ср. *Снова начал курить*), вторая обусловлена характерными для русского языка нормами представления наступления факта в цепи последовательных завершённых фактов в прошлом (ср. ...Он

встал и решительно заходил по горнице. . . Потом остановился и... стал говорить). Как пример сопоставления разных типов начинательности в русском и других славянских языках приводится исследование Св. Иванчева [Иванчев 1961], считавшего, что в чешском языке в подобных повествовательных типах контекста ингрессивность также выражается, но только имплицитно глаголами несовершенного вида (с. 27–28). Наше сопоставительное исследование различных характеристик действия в славянских языках [Петрухина 1997] показало, что там, где в русском и болгарском языках ингрессивность нельзя выразить, в чешском языковом сознании этот смысл в большинстве случаев вообще не появляется. Здесь мы сталкиваемся с опасностью переноса элементов русской (или болгарской) ЯКМ на чешскую языковую картину, в которой при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий в прошлом не только допускается, но и является обычным выделение одного из звеньев этой цепочки и представление его как процесса без актуализации временных границ.

Вновь возвращаясь к проблеме оппозитивных и неопозитивных различий в структуре грамматических категорий (ср. [Бондарко 1981]), автор связывает ее с закономерностями естественной классификации. Последняя характеризуется возможными отклонениями от единого основания членения и вытекающей отсюда неполной однородностью семантических признаков, присущих компонентам категории, т.е. полевой структурой и связанной с этим возможностью пересечения классов (с. 38, 42), ср. также [Бондарко 1984а: 32].

В дальнейшем при анализе конкретного языкового материала в книге применяются положения как классической, так и естественной (когнитивной) теории категоризации. Последняя позволяет в языковой непоследовательности увидеть определенные закономерности, соответствующие законам человеческого восприятия и психики. В частности, автор признает и в своих работах использует три типа описания грамматических значений на основе: 1) общего, или инвариантного значения, охватывающего все частные значения и типы употребления; 2) основного, выделяемого на фоне ряда периферийных значений; 3) комплекса отдельных значений (с. 99). Первый, по нашему мнению, соотносится с классическим принципом категоризации явлений, согласно которому члены выделяемой категории должны быть равноправными и характеризующимися категориаль-

ными признаками в равной степени. Второй ближе прототипическому подходу к категоризации, связанному с выделением среди членов категории "лучших" образцов – прототипов, реализующих все признаки данной категории, и таких членов категории, которые воплощают ее признаки далеко не в полном объеме. В третьем можно искать аналогию с принципом "фамильного сходства" членов естественных категорий [Лаккофф 1996; КСКТ 1996: 140–145].

А.В. Бондарко в одной из своих последних статей (вслед за В.Г. Адмони) подчеркивает, что полевую структуру имеют не только функционально-семантические, но и морфологические категории, где также выделяется центр, наиболее последовательно выражающий обобщенное значение категории, и периферия, представляющая его неполно. При таком, по нашему мнению, чрезвычайно плодотворном подходе к анализу грамматических категорий "само понятие абсолютного инварианта становится в известной степени относительным" [Бондарко 1996а: 15]. Но при анализе категории вида в рассматриваемой монографии ("Часть II. Проблемы русской аспектологии") автор последовательно применяет лишь принципы классической категоризации, выделяя общие (инвариантные) видовые значения, охватывающие "все типы употребления грамматической формы" (с. 100).

Мы считаем, что инвариантный и прототипический принципы, представляющие соответственно принципы структурирования классических и естественных категорий, не противоречат друг другу и при анализе категории вида могут быть совмещены: инвариантный признак совершенного (СВ) или несовершенного вида (НСВ) в различных лексических группах глаголов проявляется с разной степенью последовательности и отчетливости. Прототипическими являются предельные (трансформативные) и мгновенные глаголы СВ, не сочетающиеся с показателями неограниченной продолжительности действия типа *долго* – такие, как *закончить, сделать, дать, взять, прыгнуть*. Некоторые глаголы СВ могут употребляться с обстоятельствами типа *долго, два часа*, проявляя в данной сочетаемости сходство с глаголами НСВ. Это, во-первых, длительно-ограничительные дериваты с приставками *по-, про-* [ср. *сидеть – посидеть полчаса; сидеть – просидеть долго (в приемной)*], а также некоторые другие дериваты типа *засидеться*; во-вторых, выражающие идею временной длительности в корне глагола типа *провес-*

ти два месяца (в деревне), недолго подождать [Всеволодова 1990]. С учетом данной сочетаемости такие глаголы можно рассматривать как периферийные глаголы СВ. Конечно, все глаголы СВ в русском языке объединяют жесткая несочетаемость с фазовыми глаголами и определенными закономерности образования форм времени. Непрототипическими можно считать глаголы НСВ, не способные обозначать актуальный процесс, типа *съесть*, *прочитать*, *вырастать*, которые Св. Иванчев называл семантическими перфективами [Иванчев 1971] (их особенно много в болгарском языке; например: *направлям*, *написвам*, *посеждавам*).

Таким образом, для классов глаголов СВ и НСВ как для естественных категорий характерно семантическое и функциональное сближение. Его проявлением служат, на наш взгляд, также колебание в определении вида некоторых глаголов в отдельных славянских языках, например, типа *nastát se* в чешском языке; наличие двувидовых глаголов, имеющих во всех славянских языках.

Понятие наиболее типичных представителей СВ или НСВ (прототипов) не снимает вопроса о поиске инварианта совершенного и несовершенного вида – того семантического признака, который наиболее последовательно реализуется у всех глаголов одного вида и лежит в основе выделения самой категории вида (см. ниже).

Вернемся к теоретическим вопросам первой части книги. Большое внимание автор уделяет важному для его концепции понятию функции, стремясь "развить тенденции, намеченные в разрабатываемой... модели функциональной грамматики" (с. 44). Аргументируя свое понимание соотношения семантических функций и значений языковых единиц, автор подчеркивает, что речь идет о разных аспектах интерпретации их содержательной стороны – соответственно функционально-речевом и системно-языковом. С нашей точки зрения, если исходить из денотативной (в другой терминологии референтной, репрезентативной, когнитивной) функции языка как одного из основных его назначений, то включение в систему функций языковых единиц особой семантической функции, лежащей в основе взаимодействия разноуровневых языковых элементов, представляется вполне закономерным и логичным. Не исключая использование данного термина и по отношению к категориальному содержанию языковой формы, автор тем не менее отмечает, что "как функции чаще всего интерпретируются элементы

содержания, реально выражаемого в речи, а не внутриязыковые значимости" (с. 48). При менение понятий значения и функции по отношению к конкретному употреблению грамматической формы "позволяет представить содержание языковых единиц в разных аспектах и связях" (с. 49).

Для авторской концепции функциональной грамматики большое значение имеют положения теории научного познания о взаимодействии системы и среды (с. 49–59, 109–114), что, с нашей точки зрения, позволяет углубить изучение взаимодействия грамматической формы и внешнего и внутреннего контекста, выявить различные типы такого взаимодействия, в частности активное (например, для СВ) и реактивное (для НСВ) (с. 113).

А.В. Бондарко продолжает исследование проблемы интенциональности в грамматике [Бондарко 1994], которая привлекала внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов (глава III "Интенциональность грамматических значений"). На конкретном языковом материале он показывает, что для многих концептов, выражаемых в русском языке грамматически, в силу их обязательности, характерна интеллектуальная неосознанность и автоматизм употребления, что, несомненно, придает данным значениям особый психологический статус. Важным представляется проводимый в книге анализ интенциональности с точки зрения межкатегориального взаимодействия. "Интенциональные функции – это не изолированные назначения отдельных грамматических категорий, а семантические комплексы, включающие элементы разных категорий" (с. 65). Так, часто мотивацией к употреблению видов является не собственно видовые значения, а видо-временные. Введенное понятие степени интенциональности (с. 67) позволяет выявить и описать различные условия и характер формализации употребления грамматических форм. Отметим, что особенностью русского языка выступает "втягивание" в область формализации и сниженной интенциональности некоторых глагольных дериватов, в частности упомянутых выше глаголов с приставкой *за-*, связанных, как и другие способы действия, с грамматической категорией вида.

Глава IV "К истории вопроса о представлении мыслительного содержания в языковых значениях" посвящена анализу концепций К.С. Аксакова, А.А. Потебни и Э. Кошмидера, многие идеи которых получили свое дальнейшее развитие в трудах А.В. Бондарко.

Большая часть книги освещает проблемы русской аспектологии (главы V–VII). Категориальное значение СВ здесь, как и в других работах автора 80–90-х годов, определяется при помощи "двупризнакового бинома", состоящего из признака целостности (Ц) и ограниченности действия пределом (ОГР) (глава V "Категориальные значения видовых форм"). Но, в отличие от прежних исследований, здесь признается приоритет признака ОГР (с. 104–105). Ограниченность действия пределом связывается не просто с временной границей действия, а с исчерпанностью действия (в данном его представлении) (с. 103), например, у начинательных глаголов СВ ограничена пределом и представлена как исчерпанная начальная фаза действия (с. 103–104). Убедительным считаем вывод о грамматикализации предельности в русском языке, при которой «заклученный в значении СВ признак ограниченности действия пределом выходит далеко за рамки видовых пар, выражающих соотношение "направленность – достижение", распространяясь на все глаголы СВ» (с. 129).

Анализу соотношения глагольного вида и семантического признака предельности посвящена шестая глава ("Глагольный вид и предельность"), в которой автор, подытожив всестороннее изучение данной проблемы в более ранних работах [Бондарко 1986; 1991], углубляется в исследование тендентивной / нетендентивной предельности. Заметим, что использование одного и того же термина ("предельность") для разных, хотя и взаимосвязанных сущностей – грамматической и лексико-грамматической семантики глаголов – иногда затрудняет понимание сложного механизма их взаимодействия. Наш взгляд, было бы целесообразнее "развести" терминологически предельность лексическую, отражающую денотативные свойства ситуации, и предельность грамматическую, представляющую особый, грамматический уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени (лексико-грамматическую предельность предлагаем обозначать как терминативность).

Мы не совсем согласны с трактовкой нетендентивной предельности (П₂) в ее имплицитном варианте, выражаемой НСВ (с. 133–134). Среди типов ситуаций, для которых характерно данное значение, А.В. Бондарко рассматривает и настоящее историческое, сценическое, настоящее репортажа и под. (ср., например, *...Якин переходит на правую половину поля... и вот уже*

атаку начинает Шалимов....). Возражение вызывает не это утверждение, а следующее обобщение: "В ситуациях указанных типов НСВ выступает в непроцессных функциях. Исключение процессности – одно из свидетельств П₂" (с. 134). Здесь не совсем ясно, связывает ли автор имплицитную П₂ с определенной семантической группой глаголов или также с определенными типами употребления НСВ, например в настоящем историческом. По нашему мнению, имплицитное выражение конечной границы действия (его завершенности, исчерпанности) может сочетаться с актуализацией срединных моментов протекания действия, но только в том случае, если глагол НСВ в принципе способен выражать процессуальное значение. В русском языке условия для этого создает временный план настоящего исторического и сценического, а также репортажного; в других славянских языках, например чешском и словацком, процессуальность и длительность отдельного действия может быть актуализирована при выражении повторяющихся действий [Петрухина 1997]. По отношению к настоящему историческому, очевидно, можно говорить о транспозиции не только значения настоящего времени, но и аспектуального значения процессуальности, т.е. о транспозиции видо-временного значения настоящего актуального. Несовместимость имплицитной нетендентивной предельности со значением процессуальности характеризует лишь определенный круг глаголов НСВ, не способных обозначать действие в процессе его протекания (отметим, что в примерах, приводимых А.В. Бондарко преобладают именно такие глаголы: *кидаюсь, назначают, узнает, 'начинает*).

Изучение аспектуальной семантики в высказывании и тексте приводит А.В. Бондарко к необходимости перейти от абстрактных признаков целостности (Ц) и ограниченности действия пределом (ОГР) к более конкретному и "психологически осязаемому" признаку – 'возникновение новой ситуации' (ВНС) [Бондарко 1993], который рассматривается как "проявление последствий предела" на уровне высказывания (с. 138) (глава VII "Аспектуальная семантика в высказывании: признак 'возникновение новой ситуации'). Таким образом, системные (Ц и ОГР) и функциональные (ВНС) признаки отражают "разные стороны видовой семантики" (с. 138).

По нашему мнению, они представляют разные стороны одного и того же концепта – границы действия во времени (или границы восприятия действия), которая

может рассматриваться как со стороны самого действия (ср. 'предел' в разных его интерпретациях), так и "снаружи", с точки зрения отношения данного действия с другими, смежными во времени ситуациями (ср. 'начать', 'ВНС', 'изменение', 'ссквентная, т.е. синтагматически обусловленная, связь').

Однако между системной и функциональной характеристикой сущности СВ есть принципиальное различие, на которое обращает внимание в книге А.В. Бондарко: системный признак (или признаки) обязательен для выражения при любом употреблении глаголов СВ, тогда как ВНС в ряде случаев может не выражаться. В частности, глаголы СВ способны обозначать сохранение "на некоторое время той ситуации, которая наличествует в данный момент", хотя действие воспринимается как ограниченное во времени, ср.: *Саша хочет еще пожить вне дома* (с. 154).

Последняя VIII глава ("Категория временного порядка") отражает опыт выделения и описания еще одной функционально-семантической категории, разработкой которой А.В. Бондарко занимается уже несколько лет [Бондарко 1996б], – категории временного порядка, реализующей текстовое время, т.е. "отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление "времени в событиях..." (с. 167).

В этой категории представлена одна из когнитивных моделей времени как системы отношений между изменяющимися или неизменными объектами, восходящая к Аристотелю и его последователям. При разработке функционально-семантической категории временного порядка автор использует некоторые термины и определения Г. Рейхенбаха.

Выделение такой категории представляется нам вполне обоснованным: в текстах на естественных языках реализуется не только дейктическое (*прошлое – настоящее – будущее*), но и событийное (*раньше – позже*) представление времени. При этом вполне логично обращение к новой, более общей категории, чем категория таксиса, хотя речь идет о том же самом способе временного шкалирования – *раньше – (одновременно) – позже*. Таксисные отношения между действиями, по определению, принятому в "Теории функциональной грамматики", реализуется лишь в рамках одного временного плана [Бондарко 1984б: 72–74; 1987: 237–238], т.е. речь идет о так называемых контактных действиях, при выражении которых и может быть

реализована синтаксическая функция вида [Barnetová 1968]. Категория же временного порядка выходит за рамки контактных действий и полипредикативных конструкций в текст.

Выбранное название для новой категории – "временной порядок" – как бы подчеркивает, что "это как бы застывшая шкала "уже происшедшего", на которой "события располагаются в неизменном порядке" [Кандрашина и др. 1989: 66], тогда как события на дейктической шкале *прошлое – настоящее – будущее* все время меняют свое местоположение и, не реализовавшись в настоящем, исчезают со шкалы. Но, с нашей точки зрения, при описании данной категории большего внимания требует учет позиции говорящего и его субъективного восприятия событий, которое может усложнить текстовое представление их последовательности (ср. "мифологическое время", "эпическое время" и под.).

Категорию временного порядка можно было бы рассматривать как некую общую категорию, иерархически более высокую, чем другие функционально-семантические временные категории (темпоральности, аспектуальности, временной локализованности / нелокализованности и таксиса). Временной порядок, по сути дела, отражает результат взаимодействия названных категорий на шкале "раньше – позже". Время здесь представлено как мера движения (в широком смысле этого слова) и изменения, что соответствует когнитивному динамическому представлению о времени как о всепорождающей и всеуничтожающей сущности в предметном мире.

Заметим, что в языке находит отражение и модель статического времени, которая реализуется в мире идей, – сформулированные законы, правила, обобщения социального опыта в пословицах, поговорках, научные рассуждения характеризуются вневременностью, не отражая течения времени. Ср. у А.В. Бондарко: в случаях типа *Волка ноги кормят; Рука руку моет* "в высказывании нет элементов, которые бы указывали на какую-либо разновидность временного порядка" (с. 193).

В заключение хотим подчеркнуть, что книга "Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии" дает достаточно полное представление о грамматической концепции А.В. Бондарко, которая, являясь органичным развитием русской лингвистической мысли, характеризуется постоянным обновлением теоретического аппарата исследования языкового материала в

соответствии с новыми парадигмами научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В.* 1976 – Теория морфологических категорий. М., 1976.
- Бондарко А.В.* 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А.В.* 1981 – О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия) // ВЯ. № 6. 1981.
- Бондарко А.В.* 1984а. – О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
- Бондарко А.В.* 1984б – Функциональная грамматика. М., 1984.
- Бондарко А.В.* 1986 – Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1.
- Бондарко А.В.* 1987 – Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко А.В.* 1991 – Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // ИАН СЛЯ. 1991. № 3.
- Бондарко А.В.* 1992 – К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // ВЯ. № 3. 1992.
- Бондарко А.В.* 1993 – Глагольный вид в высказывании: признак 'возникновение новой ситуации' // RLing. 1993. V. 16.
- Бондарко А.В.* 1994 – К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. 1994. № 2.
- Бондарко А.В.* 1996а – Теория инвариантности Р.О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // ВЯ. 1996. № 4.
- Бондарко А.В.* 1996б – Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике. С.-Петербург, 1996.
- Всеволодова М.В.* 1990 – К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Иванчев Св* 1961 – Контекстово обусловлена ингрессивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. LXV. 1959/1960. Кн. 3. София, 1961.
- Иванчев Св* 1971 – Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.
- Кандрашина Е.Ю. и др.* 1982 – *Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А.* Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М., 1982.
- КСКТ 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
- Лакофф Дж.* 1996 – Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996.
- Петрухина Е.В.* 1997 – Аспектуальная категоризация действий в русском языке в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками (вид и фазисно-временные способы действия). Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1997.
- Barnetová V.* 1968 – K syntaktické funkci slovesného vidu // Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. III. O ruském slovese. Praha, 1968.